

ТАЙНА ТУМАНА

МЕНТА КОР

Мента Кор
Тайна тумана

«Автор»

2026

Кор М.

Тайна тумана / М. Кор — «Автор», 2026

Лейтенант полиции Василий Васин отправляется на рядовую ночную прогулку с другом — и оказывается в чужом мире, где мужчины лишены прав и являются собственностью женщин из правящих домов. Принятый за дикаря, он попадает в дом Лин — один из самых жестоких и консервативных кланов Ирговии. Наручники-браслеты, плети, карцер, унижения и полное бесправие — вот его новая реальность. Но Васин не сдаётся. Он учится выживать, заводит союзников, находит друзей и даже покровительство среди тех, кто привык видеть в мужчинах лишь вещи. Ему предстоит не только сохранить себя в этом жестоком мире, но и найти путь домой — туда, где его ждут, и где он снова сможет быть самим собой. Жестокий, напряжённый и одновременно трогательный роман о силе духа, человеческом достоинстве и надежде, которая не гаснет даже в самых тёмных мирах. Жанр: фэнтези, попаданчество, социальная драма, приключения.

© Кор М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1.	8
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мента Кор Тайна тумана

Пролог

Таима вошла в кабинет без стука. Селеста сидела за столом и просматривала какие-то бумаги — после сегодняшнего она выглядела уставшей, но довольной. Праздник удался, наследница была представлена обществу, всё прошло так, как и должно было пройти.

Кроме одного.

— Сел, — Таима закрыла за собой дверь и прислонилась к косяку. — Зачем?

Селеста подняла голову, сделала вид, что не понимает.

— Ты о чём?

— Об Огнене. — Таима прошла к столу и села в кресло напротив. — Он спас твою дочь, а ты...

— А я его наказала, — спокойно закончила Селеста.

Таима молчала, ожидая продолжения. Селеста отложила бумаги, сложила руки перед собой и заговорила — тем тоном, которым говорила всегда, когда принимала решение, непонятное окружающим, но абсолютно ясное ей самой:

— Психологи, которые его наблюдают с момента перевода, говорят, что он до сих пор слишком независим в суждениях. Ты понимаешь, что это значит? Он выполняет приказы, он служит, он предан. Но внутри, — она постучала пальцем по столу, — внутри он всё ещё думает сам, анализирует, сопоставляет факты...

— Он же не заговорщик, он телохранитель. Ему положено анализировать и думать.

— Ему положено подчиняться, — отрезала Селеста. — Не думать, не оценивать, не приходить к собственным выводам. Ему положено верить. И уж точно не задавать вопросы, ответы на которые ему не полагается знать.

Таима слушала, и лицо её оставалось бесстрастным, но пальцы, лежавшие на подлокотнике кресла, сжались.

— Ты хочешь сломать его, — сказала она тихо.

— Нет. — Селеста покачала головой. — Я хочу, чтобы он стал управляемым. Сломать — это для слабых. Мне нужен сильный муж для Оливии, а не развалина. Поэтому я вызвала одного из лучших докторов. Сейчас он в лазарете, осматривает его. Через несколько дней Огнен узнает, что его не просто наказали, а наказали — и тут же проявили высочайшее милосердие. Его лечат, о нём заботятся, ему сохранили жизнь и карьеру. И он будет и благодарен, и послушен. Потому что теперь он знает: его жизнь — в моих руках. И только моя милость может её сохранить.

Таима долго молчала. Потом встала.

— Ты уверена, что это сработает?

— Уверена. — Селеста взяла со стола бокал с водой, сделала глоток. — Я знаю таких, как он. Умные, гордые, привыкшие полагаться на себя. Им нужно показать, что они — ничто. Что все их способности ничего не стоят перед властью. Тогда они становятся самыми преданными слугами. Он будет благодарен мне за то, что я его не убила. За то, что дала ему второй шанс. И эту благодарность он пронесёт через всю жизнь.

Она посмотрела на Таиму и улыбнулась — холодно, почти нежно.

— Ты сама увидишь.

Таима ничего не ответила. Она вышла из кабинета, закрыла за собой дверь и некоторое время стояла в коридоре, глядя в стену.

«Умный мальчик», — вспомнила она.

И подумала, что, возможно, Селеста только что совершила самую большую ошибку в своей жизни. Потому что мальчик был не просто умным, он был из тех, кто не ломается. Кто,

получив сто плетей, считает удары, кто, лёжа в луже собственной крови, думает не о том, как ему больно, а о том, за что с ним так поступили.

Таима пришла в лазарет на следующее утро. Она не собиралась там задерживаться — просто проверить, как выполняются распоряжения Селесты, убедиться, что доктор сделал свою работу, и уйти. У неё были другие дела.

В лазарете пахло болью и лекарствами. Доктор — пожилой мужчина с усталыми глазами — сидел за столом и заполнял какие-то бумаги. При виде Таимы он поднялся и коротко поклонился.

— Как пациент? — спросила она, оглядывая пустые койки. — Где он?

Доктор моргнул:

— Я думал, вы знаете. Его перевели.

— Куда перевели?

— Ночью. Я сам не видел, мне сказали утром. Спросите у санитара, он...

Таима не дослушала. Она развернулась и быстрым шагом направилась в палату. Кровать, на которой ещё вчера вечером лежал Огнен, была пуста и аккуратно застелена чистыми простынями, будто никого вчера здесь не было. Появилось нехорошее предчувствие. Первым делом начальник охраны дома Лин пошла в диспетчерскую просмотреть записи с камер.

Вот он, три часа двенадцать минут, камера в коридоре возле лазарета. Огнен выходит в коридор, идёт медленно, держась за стену. На нём только брюки, босые ноги. Со стороны кажется, будто его поддерживает кто-то невидимый. Он останавливается, пережидая приступ слабости, потом делает ещё несколько шагов и сворачивает за угол.

На следующих записях видно, как он выходит в парк, скрывается за деревьями и пропадает. Он не появился ни возле забора, ни возле ворот. Ни одна машина не покидала особняк.

Селеста смотрела на застывший кадр — пустой коридор, тусклый свет ламп, — и молчала. Таима видела, как побелели костяшки её пальцев.

— Он не мог уйти далеко, — сказала Таима. — В его состоянии он должен был упасть через десять шагов.

— Однако он не упал, — голос Селесты был ледяным. — И его нет. Ни в лазарете, ни в казарме, ни в коридорах. Ты понимаешь, что это значит?

Таима молчала.

— Это значит, что кто-то ему помог, — произнесла Селеста. — Кто-то провёл его мимо камер. Кто-то вывел его из особняка. Кто-то, кто знает расположение слепых зон и имеет доступ на территорию.

— Я проверю весь персонал, — сказала Таима.

— Проверь. — Селеста медленно повернулась к ней. — И найди его. Где бы он ни был. Найди и верни. Я хочу, чтобы его казнили. Публично. Перед всем домом. Чтобы каждый, кто служит мне, видел: милосердие дома Лин не безгранично. Предательство карается смертью. И плевать, в чём это предательство — в том, что он сбежал, или в том, что кто-то помог ему сбежать. Он ответит за всё.

Таима кивнула и направилась к двери. В коридоре она на мгновение остановилась, прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Где-то там, за стенами особняка, был парень с исполованной спиной и босыми ногами, который не кричал под плетями. И который теперь исчез из особняка.

Она покачала головой и пошла отдавать приказы. Служба есть служба. Даже когда ты не согласна с приказом.

Глава 1.

— Вась, ты за водой думаешь идти или нет? — недовольно проворчал от костра Вадим, друг детства, с которым лейтенант полиции Василий Васин время от времени выбирался с палатками на природу. Иногда с ними увязывалась младшая сестра Василия, но последние три года они выезжали брутальным мужским обществом: Ольга вышла замуж, родила дочку, и ей стало не до вылазок.

Васин молча взял небольшое ведёрко и направился к ручейку, который протекал неподалёку и к которому вела утоптанная тропинка. Высоко в небе светила полная луна, сверчки заходились сумасшедшим хором, от ручейка поднимался туман и низко стелился над землёй.

Внезапно что-то блеснуло перед ним в траве. Он нагнулся, поставил ведро на землю и протянул руку. Пальцы коснулись тонкой прохладной струны, и она завибрировала в такт сердцу. Васин хотел отдёрнуть руку — и не смог. В следующую секунду мир мигнул.

Не погас, не потемнел — просто сменился. Как будто кто-то переключил канал. Он ещё чувствовал под ногами траву, но это была уже не та трава. Воздух был не тот. Даже тишина была чужой.

Василий огляделся. Место незнакомое: вместо леса — парк, пергола со скамейкой, ива над небольшой заводью и мощёная камнем дорожка. Он больно ущипнул себя за руку — ничего не изменилось. Здесь тоже стояла глубокая ночь и висела полная луна, ничем не отличающаяся от той, что он знал всю жизнь.

Васин инстинктивно сделал пару шагов назад, туда, откуда пришёл, но ничего не изменилось: пергола, ива, заводь. Поискал в траве потерянную нить — её нигде не было. Он прагматик, верящий в законы природы и физики, и не хотел допускать, что в его жизни может произойти что-то выходящее за эти рамки.

— Так, спокойно, — сказал он сам себе. — Спокойно. Сейчас разберёмся.

Но спокойно не получалось. В груди нарастала холодная, липкая паника. Он похлопал по карманам: телефона нет, остался в палатке.

«Зашибись», — подумал он.

Васин решил идти по дорожке: раз есть дорожка, значит, есть люди, и можно будет узнать, как он здесь очутился и где это «здесь» находится. А если народ вменяемый, может, обойдётся без вызова полиции, одним телефонным звонком.

Минут через семь из-за деревьев показались светящиеся окна большого особняка. Соваться туда вот так, запросто, не стоило: охрана там наверняка такая, что вряд ли будет разбираться. Лучше поискать кого-нибудь попроще — садовника, хотя тот спит в это время, или дежурных у ворот. Должен же быть вход на территорию.

Внезапно тишину ночи разорвал отдалённый шум моторов. Он нарастал откуда-то справа, и уже через несколько секунд к нему добавились крики, собачий лай и глухие хлопки.

Василий замер. Там, за деревьями, метрах в двухстах, что-то происходило. Мотоциклетные моторы ревели, захлёбывались, снова взрывались. Кричали люди. Охрана особняка пришла в движение: между деревьями замелькали тёмные фигуры с фонарями, слышались резкие команды. Васин не стал дожидаться, чем всё кончится. Он шагнул с дорожки в тень, к кустам, и замер. В стороне от него пробежали двое мужчин в тёмной форме.

Шум отдалился, Василий перевёл дыхание и, дождавшись, когда рядом никого не будет, двинулся вдоль деревьев, стараясь не выходить на освещённые участки. Он успел пройти метров пятьдесят, как его сбили с ног, заломили руки и прижали лицом к земле. Василий не сопротивлялся.

— Попался, — тяжело дыша, произнёс кто-то над ухом. — Из этих? От своих отстал?

— Я не с ними, — прохрипел Васин, чувствуя, как к щеке прилипают травинки. — Я вообще не понимаю, где нахожусь...

— Все вы так говорите.

Запястья обхватило холодным, и они намертво прилипли друг к другу. Потом задрали штанины, и щиколоток тоже коснулся металл. Его вздёргнули на ноги и повели к особняку.

— Хорошая ночь, — бросил один из конвоиров. — Двоих взяли живыми.

Второй сплюнул.

— Живыми — это пока.

Васина втокнули в небольшую комнату без окон, с голыми стенами и яркой лампой под потолком. Посередине — массивный металлический стол, за ним — такая же табуретка, привинченная к полу. С него сняли куртку и футболку, обыскали карманы джинсов и толкнули вперёд.

— Садись.

Васин не стал спорить. Что-то щёлкнуло, руки ненадолго оказались свободны, но конвоиры тут же прижали их к столу, и металлические полоски намертво прилипли к поверхности.

— Что за... — начал он и попытался оторвать руки.

Ничего.

— Вы что, с ума сошли?! — Он рванулся сильнее. — Уберите это!

Один из конвоиров нажал что-то на поясе, ноги Васина дёрнуло, щиколотки прижало к ножкам табуретки. Он не успел ничего сделать — его обездвижило: руки к столу, ноги к табуретке.

— Вы что творите?! — Он дёрнулся. Браслеты даже не дрогнули. — Я же не сопротивлялся! Какого хрена?!

Никто не ответил. Василий поймал несколько удивлённых взглядов на свои татуировки, но в остальном к нему отнеслись как к той же табуретке, на которую его усадили. Зато он сам с интересом рассматривал незнакомую чёрную форму без погон, с нашивками на груди и рукавах и воротником-стойкой — эффектную и неудобную с виду.

Принесли сканер, сняли отпечатки пальцев, сфотографировали сетчатку глаз, взяли из вены кровь — всё это делали молча и деловито. Василий терпел, надеясь, что бюрократическая процедура вот-вот закончится и ему дадут возможность объясниться.

— Парни, всё это можно быстрее сделать: позвоните по телефону, и вам подтвердят, кто я, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Называй, — приказал один; второй забил номер в свой телефон и вышел из комнаты.

Прошло около пятнадцати минут. С ним не разговаривали, и Василий тоже замолчал. Наконец дверь открылась, мужчины вытянулись, и в комнату вошла женщина лет сорока пяти, подтянутая и строгая, в таком же чёрном мундире и с более яркими нашивками. Она окинула его брезгливым взглядом, задержалась на татуировках и села напротив в удобное кресло, которое ей пододвинул один из мужчин.

— Дикарь, — презрительно протянула она.

Васин ожидал чего угодно, только не такого. В голове промелькнула дурацкая мысль, что всё это какой-то дурацкий розыгрыш, но слишком уж всё было реальным: лампа, слепящая глаза, холодный металл на запястьях, тупая боль в вывернутом плече.

— Собственно говоря, кто вы такая? Про статью о незаконном удержании знаете? — возмущённо начал он, и тут же его плечи обожгло коротким хлёстким ударом.

От неожиданности он вскрикнул и выгнулся от боли.

— Охренел?

— К госпоже следует обращаться «эрна Ирена». Вопросы здесь задаёт она. Понятно тебе, дикарь? — сказал один из охранников и показал Василию небольшой ременный хлыст.

— Что за нафиг? Вы тут в кого заигрались?

Он со злостью посмотрел на мужчину, потом на женщину напротив. И тут же его плечи снова обожгло.

— Опусть глаза, — последовал приказ.

Васин сжал зубы и опустил глаза. Нужно сначала разобраться, что это за люди и во что они играют, решил он, а пока вести себя по их правилам.

Перед ним на стол выложили содержимое карманов: пластиковую коробку выживальщика с компасом, фонариком, ножом, струнной пилой и кучей других полезных придамбасов, несколько завалявшихся монет и смятый рекламный флаер.

— Откуда у тебя это? — женщина ткнула пальцем в коробку.

— Купил, — буркнул Васин.

Эрна с интересом посмотрела на содержимое коробки.

— Скорее всего, склад какой-нибудь обчистили. Говори правду, или тебя опять будут бить. И в этот раз жалеть не будут, — предупредила она.

— Так это ещё жалели? — иронично поднял брови Василий.

Охранник замахнулся. Васин пригнулся и быстро заговорил:

— Я вам правду говорю, купил. Что тут происходит? Вы что, кино какое-то снимаете? Или у вас такой клуб по интересам?

Женщина взяла его за подбородок, заставила поднять голову и пристально посмотрела в глаза.

— Кто. Ты. Такой? — отдельно спросила она.

— Васин Василий Сергеевич, лейтенант полиции. Послушайте, я же дал вам номер телефона, позвоните моему начальнику, выпишите штраф, мне на работе объявят выговор...

Он осёкся, вдруг осознав: язык, на котором они говорят, не похож на русский, но он тем не менее прекрасно понимает его, и его тоже понимают.

Эрна не стала его слушать и приказала:

— Пока без крови.

Охранники подошли с двух сторон.

Первый удар пришёлся под рёбра, и Василий, не ожидавший такой подлости, задохнулся. Он попытался сгруппироваться, подставить плечо, но браслеты не давали пошевелиться. Били профессионально, без паузы, рассчитывая время, чтобы он не отключился, а только мучился. Через какое-то время он перестал понимать, что отвечает, какие вопросы повторяются, сколько длится этот бесконечный день. Помнил только, как от удара в живот его вырвало на собственные джинсы, как после этого эрна Ирена поморщилась и махнула рукой.

— Приведите его в порядок. Мне всё ещё нужны ответы.

Вошли двое санитаров в серых халатах быстро ощупали рёбра, проверили зрачки, приложили к синякам холод. Всё делалось молча и быстро.

Сколько длился этот бессмысленный допрос, Васин не мог точно сказать. Он даже не понял, когда всё закончилось и его оставили в покое. Его отволокли в комнату с узким зарешечённым окном, жёсткой деревянной кроватью, которую честнее было назвать лавкой, металлическим умывальником и смердящей дыркой в полу. Он медленно поднялся с пола, добрел до крана и напился воды. Потом осторожно улёгся на кровать.

Охранники своё дело знали: крови нигде не было, но всё тело казалось одним большим синяком. Василий сделал несколько резких вдохов и выдохов. Рёбра, кажется, целы. Он сидел, глядя в потолок, и впервые за всё время дал себе волю по-настоящему осознать, что произошло. Это не кино, не розыгрыш, они не боятся, что он подаст заявление. Они вообще не понимают, о чём он говорит. Значит, дело не в них, дело в нём. И в той струне, что выдернула его из привычного мира и выбросила здесь.

Он поднял руку и внимательно осмотрел тонкую металлическую полоску на запястье. Она настолько плотно прилегала к коже, была гибкой и пластичной, что казалась частью руки — собственной кожей, окрашенной в серебристый цвет. Раньше он потратил бы часы на то, чтобы разобраться, как она устроена, сейчас у него не было на это сил. Он просто хотел жить, и понять, где он.

Тяжёлая деревянная дверь открылась. Вошёл мрачный охранник и поставил рядом с ним тарелку с серой кашей и ложку.

— Ешь, — приказал он.

— А если не хочется?

— Я уйду, и следующий раз еда будет не скоро. Ешь.

Василий осторожно взял тарелку и принялся за еду. Он не чувствовал вкуса, молча глотая вязкую массу. Охранник забрал тарелку и вышел. Дверь закрылась.

Васин остался один.

Он пытался разобраться, что с ним произошло. Каким-то образом он оказался в чужом особняке, со странными людьми, со странной женщиной — эрной Иреной. Ему совершенно не хотелось верить ни в параллельные миры, ни в то, что его угораздило стать попаданцем. Ведь если так, придётся поверить и в инопланетян, и в привидений, а этого его насквозь логичное мировоззрение принимать не хотело. Гораздо проще было верить в банду сумасшедших идиотов, к которым он попал.

Он с трудом нашёл положение, при котором можно было сидеть, привалившись плечом к стене. О том, чтобы лечь, речи не было — болело все тело. Несмотря на это, ему удалось задремать. Сквозь дрему он видел костёр, слышал, как Вадим зовёт его по имени, видел лицо Ольги, которая качала дочку на руках.

Прошло несколько дней, слившихся в один бесконечный, душный кошмар. Каждое утро начиналось одинаково: лязг замка, окрик, и его, ещё не до конца проснувшегося, волокли по коридорам в ту самую комнату без окон. Василий возненавидел её до дрожи — этот голый металлический стол, привинченную табуретку, лампу, бьющую в глаза так, что глаза слезились.

Его каждый день допрашивали, задавая одни и те же вопросы, били, пытаясь узнать то, чего он и сам не знал. Васин вначале ругался, просил дать позвонить, угрожал, потом тупо повторял то, что уже рассказывал не раз. Однажды он попытался, пока его не пристегнули к столу, напасть на мучителей, но браслеты на руках и ногах засветились красным и намертво слиплись, не давая двинуться. В этот раз его не стали сажать на табурет — оставили на полу, будто стреноженного жука. В тот день били сильнее и дольше.

Каждый допрос заканчивался одинаково: его уносили в камеру, но перед этим санитары осматривали его, иногда чем-то мазали избитую спину и ребра. Однажды, после особенно жёсткого раза, когда он уже не мог стоять, они перевернули его на живот, смазали спину холодным гелем и приложили что-то, отчего кожа замерзла до онемения. Василий слышал, как один санитар спросил другого, не сломаны ли рёбра, и тот ответил, что трещин нет, только обширные гематомы.

Васина злило, что его обсуждают, как будто его здесь нет, но он молчал.

Кормили раз в день, приносили такую же серую кашу, как в первый раз, — не умереть с голода, и ладно.

Как-то после очередного допроса, когда он лежал на бетонном полу почти без сознания от боли, сквозь шум в ушах услышал разговор женщины, что постоянно наблюдала и задавала вопросы, и мужчины, который его бил:

— Думаю, он не врёт. Что с данными?

— Пробили по базам — чистый: ни отпечатков, ни ДНК.

— Как так?

— Скорее всего, дикари выкрали малолеткой до занесения в базы.

— А номер телефона?

— Код странный, но система выдала локальный адрес. По нему проживает престарелая эрна, мы к ней ездили, показывали видео — она его первый раз видела. Мужчины, что служат ей, его тоже не опознали. Что с ним делать, эрна? Ликвидировать?

— Нет, это всегда успеем. Он молод, вынослив. Подлечить и отправить на хозяйственные работы. Браслеты не снимать. Попытается бежать — значит, глуп и необучаем. Но по нему не скажешь.

— Эй, ты слышишь?

Васина ощутимо пнули по рёбрам, и он застонал.

— Будешь хорошо работать — будешь жить. Понятно?

Тем же вечером дверь камеры открылась, и вместо охранника с кашей вошли двое мужчин в белых халатах поверх формы. Один нёс небольшой чемоданчик, второй — вкатил какой-то прибор. — Ложись на живот. — велел первый.

Василий настороженно подчинился, холодные пальцы ощупали его спину, нажали на несколько мест, мужчины что-то отметили в планшете. Потом смазали чем-то прохладным, на самые больные места наложили мягкие пластины, которые загудели и нагрелись. Было не больно, даже приятно. Через полчаса спину туго забинтовали эластичной тканью после чего медики так же молча ушли. На допросы его больше не водили, через день приходил кто-нибудь из медперсонала, осматривал, что-то отмечал в планшете, мазал спину и так же молча уходил. «Значит, всё-таки живьём решили оставить, — мысленно усмехнулся Василий. — Буду пахать на них. Ну и пусть. Пока пашешь — живёшь».

Синяки и следы от плети постепенно заживали. Он много думал. Иногда одолевали мысли о том, что его ищут, что Вадима уже затаскали по допросам, как волнуются родные. От этого на душе становилось так паршиво, что временами хотелось выть от досады. Васин представлял, как мама сидит на кухне, не зная, что с ним, как Ольга плачет, как отец молчит и смотрит в одну точку. Эта картина была для него страшнее всего, что делали с его телом эти люди. Он старался гнать её, но она возвращалась, особенно по ночам.

Он давно потерял счёт дням заточения, когда дверь открылась во внеурочное время. Васин настороженно посмотрел на вошедшего — парня лет двадцати, одетого в ту же форму, что и остальные мужчины.

— Выходи, — приказал он.

Василий встал и молча вышел.

— За мной.

Длинными запутанными коридорами они пришли в общую душевую. Здесь, как в дорогом фитнес-центре, было множество шкафчиков, покрашенных в молочно-белый цвет, душевые ячейки, выложенные белым кафелем, несколько раковин с зеркалами. На полу — светлая плитка. Обилие света и почти стерильная чистота наводили ассоциации с операционной.

Сопровождающий подошёл к одному из шкафчиков, открыл дверцу. Внутри было несколько полок: на одной из них лежали безопасные бритвы в упаковке, зубная щётка, паста, на крючке висело полотенце, на других полках лежало несколько плоских пакетов с одеждой.

— Приводи себя в порядок, одевайся. Потом я отведу тебя в столовую и ознакомлю с обязанностями, — сказал он и торжественно добавил: — Ты принят в штат дома Лин. Это честь для такого дикаря, как ты. У тебя тридцать минут.

Сопровождающий оставил его одного.

Василий немного постоял, изучая содержимое шкафчика, потом взял бритву, мыло и направился к раковине. Из зеркала на него смотрел похудевший и заросший безобразной щетиной незнакомец. На животе и рёбрах уже едва заметно желтели почти зажившие синяки. Со спиной было хуже, но и там всё заживало. Он долго стоял, вглядываясь в собственное отражение, и не узнавал себя. Глаза ввалились, скулы обострились, на лбу залегла морщина, которой раньше не было.

Он мылся долго, смывая с себя запах камеры, страх и пот. Это был первый момент за долгие дни, когда он почувствовал себя почти человеком.

Ровно через тридцать минут зашёл конвоир, одобрительно оглядел чисто выбритого Василия и коротко приказал:

— Иди за мной.

Пока они шли, парень объяснял, будто читал рекламный проспект:

— Ты попал в дом Лин — один из крупнейших домов Конгломерата Ирговии. Это честь для такого, как ты. Мужчины, отслужившие дому, получают самую высокую в Конгломерате пенсию...

— Подожди, — перебил его Васин. — Ты можешь своими словами? Не так, как выучил, а как есть? И как тебя зовут?

— Рик, — облегчённо выдохнул тот.

— А я Василий. — Васин протянул руку.

Парень недоумённо на неё глянул, но коснулся его ладони и убрал руку.

— Тут всё очень строго, — вздохнул Рик. — Нельзя женщинам в глаза смотреть, говорить, пока они не разрешат...

— А если заговоришь?

— Накажут. И хорошо, если карцером. — Парень передёрнул плечами. — К женщинам следует обращаться «эрна» и по имени. Мужчины в основном все по имени, кроме тех, кого какая-нибудь эрна выбрала себе в мужья. Но их мало, и вряд ли ты с ними встретишься.

— А если ударить?

— С мужчинами драться можно, но только если они нападут на тебя первыми. Женщину ты даже коснуться не сможешь: браслеты сдавят так, что даже кулак не сожмёшь, а будешь упорствовать — раздавят кости.

Васин слушал и молча кивал, запоминая каждую мелочь. Если это его новый мир, ему придётся в нём жить, нужно понять правила, чтобы выжить.

Глава 2

Казарма оказалась вполне приличной. Ему выделили койку у окна, выдали сменную форму — два комплекта серых рабочих комбинезонов, плотные рубахи, нижнее бельё и крепкие ботинки на шнуровке. Объяснили, где столовая, во сколько подъём, когда отбой. Всё по расписанию, как в армии. Только вот в армии он был своим, а здесь — непонятной зверушкой, на которую смотрели кто с любопытством, кто с опаской, а кто с плохо скрываемым презрением.

Уже через час Васин таскал на кухне ящики с продуктами. Работа оказалась тяжёлой, но знакомой: в армии дежурства по кухне проходили примерно так же — таскай, грузи, перетаскивай, не задавай лишних вопросов. К вечеру он валился с ног. Мышцы, отвыкшие от нормальной нагрузки за время лежания в камере, ныли, спина гудела, ладони горели от жёстких ручек ящиков. Несмотря на усталость, заснуть никак не получалось.

Он поднялся со своей койки, натянул рабочий комбинезон и, не таясь, пошёл к двери наружу. Стояла тихая ночь, где-то ухал филин, лёгкий ветер шумел листьями деревьев. Он остановился у двери, пытаясь сориентироваться, в какой стороне парка осталась заветная пергола с заводью и ивой над ней. Когда-то давно он читал, как взрослый мужик рассуждал, что если провалился в параллельный мир, нужно или оставаться на том же месте, или вернуться в место перехода и постараться вспомнить всё, что ему предшествовало, вплоть до запахов. Он всё ещё не придумал, как выбраться.

Неожиданно послышался мягкий топот собачьих лап, и рядом почти бесшумно материализовался большой лохматый пёс, напоминающий кавказскую овчарку. Он молча показал клыки, будто предупреждая, потом сел рядом, не сводя с него внимательных глаз.

— Куда собрался? — раздался незнакомый голос.

— Не спится, вышел просто постоять. Я сейчас обратно пойду, да и не уйду я никуда, — Василий показал металлические полосы на запястьях. — На ногах такие же.

Незнакомец хмыкнул.

— С такими не побегаешь. Чего не ложишься? Не поверю, что не устал за день.

— Можешь не верить, дело своё. Стены давят, хочется выйти. — Васин решил воспользоваться тем, что раз его зовут дикарём, показать дикаря.

— Что, и зимой на улице спишь? — ехидно прищурился его собеседник, мужчина примерно его возраста.

— Нет, зимой шалаш делаю на ночь, — усмехнулся в ответ и представился: — Меня Василием звать.

— Радомир. Иди лучше в казарму.

— Хоть изредка можно на улицу выходить?

— Я через три дня буду дежурить, узнаю, — вздохнул Радомир, свистнул псу и пошёл дальше.

Утро началось ещё затемно. Подъём объявили резким звонком, и Василий вскочил с койки раньше, чем сообразил, где находится. Тело ныло, руки и спина болели от непривычной нагрузки, но жаловаться было не на кого, да и незачем. У Василия появилась надежда разыскать нужное место в парке — пусть не за одну ночь, но всё-таки.

Дни потекли однообразно, но не пусто. Работа занимала всё светлое время. Василия определили в хозяйственную бригаду: кухня, склады, погрузка, уборка территории, ремонт инвентаря. Он быстро понял, что здесь ценят тех, кто не отлынивает и умеет работать руками. А он умел.

Первые дни к нему присматривались. Мужчины из бригады — все как на подбор, жилистые, молчаливые, с одинаковыми короткими стрижками и потёртыми серыми комбинезонами — не лезли с разговорами, но и не отталкивали. Присматривались. Кто-то бросал короткое: «подай», «отнеси», «держи». Кто-то молча кивал, если Василий успевал раньше всех подхватить тяжёлый мешок.

Постепенно отношение стало меняться. На третий день повар, немолодой грузный мужчина с седыми висками и зычным голосом, которого все звали дядя Тор, неожиданно сунул ему лишнюю краюху хлеба:

— Ешь, Дикарь. Вон как отощал. Смотреть тошно.

— Спасибо, — искренне ответил Василий, не став напоминать, что у него есть имя.

— Благодарить не надо. Работаете — ешь. Это у нас честно.

На четвёртый день один из работников, щуплый паренёк по имени Нил, подсел к нему в столовой. Сначала молчал, ковырял кашу, потом тихо спросил:

- А правда, что тебя во время налета взяли?

Василий кивнул, снова рассказывать, что он не отсюда не хотелось, слишком по-дурацки это бы звучало.

Нил хмыкнул, покрутил ложку в пальцах.

— Станный ты. Но не злой. Это уже хорошо.

— А что, до меня здесь злые были?

— Да нет. Дикари, которых ловят, обычно либо орут, либо в ногах валяются. А ты спокойный. Наши даже не знают, как к тебе подойти.

— Подойти можно, — усмехнулся Василий. — Я не кусаюсь.

Нил фыркнул, и лёд тронулся. После этого разговора к Василию стали обращаться чаще. Просили помочь с починкой тележки, показать, как он разобрался с заклинившим замком на дверях склада, спрашивали, что это за узел он вяжет на верёвках. Василий не отказывался, но и не набивался никому в друзья. Постепенно к нему привыкли.

Не все, конечно. Нашлись и те, кто смотрел волком. Двое из ночной смены — Мик и его приятель Отто — с первого дня не скрывали неприязни. Мик, здоровенный, с бычьей шеей и вечно спутанными волосами, при каждом удобном случае цеплял Василия словом, а то и плечом. Отто, ниже ростом, но шире в кости, поддакивал и скалился.

— Смотри, дикарь, не напачкай на кухне, — говорил Мик, проходя мимо.

— Он у нас теперь чистюля. Смывает с себя дикость, — подхватывал Отто.

Василий не отвечал. Понимал: такие ждут реакции. Чем спокойнее он, тем быстрее им надоест. Или тем злее они будут. Но лезть в драку из-за пустых насмешек он не собирался. Ему нужно было решить главную задачу — выбраться. А для этого необходимо оставаться на хорошем счету.

На третью ночь он снова вышел из казармы и остановился у двери. Скоро опять первым показался пёс, затем Радомир.

— Что? Опять не спится? — иронично поинтересовался он.

— Так как, узнал? Можно мне выходить?

Охранник ответил:

— Можно, но только если с кем-нибудь из охраны и не отходить ни на шаг. Понятно?

— Как скажешь.

— Тогда пошли. Вокруг имения обойдём и спать отправишься.

— Понятно.

— Волк, ко мне, — скомандовал он псу, подвёл к Васину, дал его хорошенько обнюхать и сказал: — Свой.

Пёс недовольно заворчал, фыркнул и отвернулся.

Радомир служил здесь уже десятый год и знал каждую тропинку в парке, который он патрулировал по достаточно сложному маршруту.

— И сколько раз за ночь ты его так обходишь?

— Девять раз, маршрут рассчитан на сорок минут. Я не один, так что не рассчитывай незаметно проскользнуть мимо. Я не замечу — другие заметят.

— Парк огромный, тут наверняка и ручей какой-нибудь есть, всё-таки часть леса огорожена, — строя из себя восторженного дикаря, спросил Василий.

— Есть и ручей, вон там, по этой тропинке до развилки направо, — Радомир показал, куда идти.

Сердце Василия забилося как бешеное, захотелось сразу бежать туда, искать дорогу домой, но он заставил себя размеренно шагать рядом с охранником. Он продолжил задавать вопросы, временами изображая простодушное любопытство, временами — восторг дикаря, впервые увидевшего большой и богатый дом. Рассказал пару адаптированных историй из своих путешествий.

Радомир слушал с интересом, иногда перебивал вопросами, но настороженности не терял. Держался рядом, не выпуская Василия из поля зрения, но и не давил. Видно было, что он не считает его опасным, но службу знает.

Наконец они снова вышли к дверям казармы.

— Теперь иди и спи. И больше не высывайся.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Васин. — Можно в следующее твоё дежурство выйти?

— Нет, я с завтрашнего дня на другом участке. Может, с кем-то ещё договоришься.

— Спасибо тебе. — Василий протянул руку. — Если смогу тебе чем-нибудь помочь, ты знаешь, где меня найти.

Радомир так же, как и Рик, нерешительно прикоснулся к его ладони.

— Зачем это?

— Это там, откуда я родом, означает, что я ничего против тебя не замышляю. Не прячу оружия и не собираюсь ударить исподтишка.

— Странные у вас обычаи, — ответил охранник и пожал протянутую руку.

Через два дня Васин выносил мусор, как вдруг за спиной раздался знакомый до зубной боли голос Отто:

— Мик, глянь, как дикарь на хозяйстве пристроился.

— Да разве это дикарь, — отозвался Мик с ленивой насмешкой. — Задохлик какой-то. От своих отбился, теперь с ведром гуляет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.